

**Мой
любимый
треугольник**

**Галина
Ицкович**

Маленькая глазастая одесситка, сидя у моря, вглядывается в горизонт, ни сном, ни духом не ведая, что там. А там — её будущее, профессия психотерапевта, переезд в Штаты, литературные завоевания в журналистике и поэзии, а в последние годы душевное и материальное волонтерство во благо её родной Украины и... неохватный континент Латинской Америки, изучение «за свой счёт и своё время» её целостного многообразия. Желание обрести её взгляд изнутри на мир. Не только ведь Колумб открыл Америку, но и Америка — мир за двумя океанами.

Об этом книга, ревностно проглоченная мной, профессиональным латино-американистом, — зачем Галине Ицкович столько всего этого? Перу древней империи инков; афро-кубинская Куба; выкованное океаном и Кордильерами Чили; окутанный колониальным прошлым Эквадор; Колумбия, в чей многоцветный венец вплетены горькие листья коки; Аргентина дерзкого танго; Мексика, подпирающая пирамидами небо. Столько пейзажей, лиц, наречий, убеждений, улыбок.

Откуда у Гали латинская грусть? «Этот континент — моё детское, мечтающее я», — отвечает она, когда-тошная маленькая, дотошная, глазастая одесситка.

— Павел Грушко

Написанное Галиной Ицкович — не трэвелог в общепринятом смысле, а нечто иное. В книге, разумеется, присутствуют описания экзотических мест Южной Америки (как же без них?!), и одновременно текст подкупает тонким, своеобразным психологическим подтекстом. Это — главное достоинство книги и ее отличие от подобных изданий. За 20 с лишним лет поездок по таким маршрутам автор сжилась с увиденным, почувствовала местных жителей со всеми их заморочками и странными для нас традициями поведения, стала «неуловимо своей», как она замечает. Следует важное признание: «Моя профессия позволяет пуститься в путь как в психотерапевтический сеанс с новым пациентом...» И это делает книгу выходящей из разряда трэвелогов и по праву занимающей первый ряд литературы высокой пробы.

— *Давид Гай, писатель, журналист*

У каждого своя Латинская Америка. У кого-то — только танго, у иных — Маркес или Кортасар. Галине Ицкович повезло больше. «Мой любимый треугольник» — не столько про охоту к перемене мест или заполнение контурной карты, сколько про геометрию духа: Континент, Путешествие и «мечтающее я» равноугольны. Перуанские горы и патагонские ледники, кубинские ночи и улочки Эквадора, нежные викунии и знаменитые геоглифы становятся лишь привлекательной иллюстрацией к странствиям души. Возможно, и потому, что «самый бесценный дар дороги — это возможность подружиться с неопределенностью».

— *Евгения «Джен» Баранова, поэт, переводчик,
главный редактор литературного журнала «Формаслов»*

Галина Ицкович

Мой любимый
треугольник

БОСТОН • 2025 • BOSTON

ГАЛИНА ИЦКОВИЧ: *Мой любимый треугольник*

GALINA ITSKOVICH: *My Favorite Triangle*

Copyright © 2025 by Galina Itskovich

ALL RIGHTS RESERVED. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the prior written permission of the copyright holder(s).

ISBN 978-1-960533869

Published by M•GRAPHICS | BOSTON, MA

 mgraphics.books@gmail.com

 www.mgraphics-books.com

Book Design by M•GRAPHICS © 2025

Cover Design by M. Koreneva © 2025

Фотографии в книге—из архива автора

Фотопортрет автора в конце книги—© Ю. Мечитов

Printed in the USA

СОДЕРЖАНИЕ

Треугольное предисловие с двумя эпитафиями	9
Приближаясь к Континенту	15
Собаки на крышах, морские свинки в тарелках (Перу, 2012)	29
Гавана и окрестности (Куба, 2017)	67
Черновик приключения (Чили, 2020)	107
Репортаж из центра Земли (Эквадор, 2021)	185
Чрево Картахены (Колумбия, 2022)	224
Вниз по сонной Амазонке, вверх к отрогам Кордильер (Перу, 2024)	242
Послесловие с посвящением	279
<i>Приложение.</i> Стихи, написанные на Континенте	278

ТРЕУГОЛЬНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ С ДВУМЯ ЭПИГРАФАМИ

Монотонность следует вычерпывать ложкой
из реальности.

Вальтер Беньямин

Зачем, скажите, вам чужая Аргентина?

Из одесского фольклора

Когда-то путешествие требовало времени. Сейчас можно за несколько дней эффективно обследовать огромную страну, прогулив пересадки, запланировав перелёты, оплатив внимание частных гидов и гостеприимство хозяев в Airbnb. Быстрорастворимое счастье, лёгкие экономичные решения, побег от домашних реалий в искусственно созданный «большой мир» — это маркеры века сверхзвуковых перелётов и эмоциональной компартиментализации (например, мы в состоянии любить отличающихся от нас людей и сочувствовать им — вот только если они не находятся на нашей территории). Но, увы, какие бы то ни было связи, налаженные путешественниками прошлого, не помогут нашим «быстрым набегам» стать значимыми попытками культурного взаимопроникновения. Уж таковы наши обстоятельства, уж таковы условия постиндустриальных социальных игр. И всё же. В течение двадцати с лишним лет я ездила в Южную Америку. Я ездила туда в разгар влюблённостей и с вдребезги разбитым сердцем, в промежутках между семейными горестями и на излёте пандемии. Маршруты последних трёх лет были запятнаны войной — войнами. Мои радости и невзгоды, отставляемые в сторону на время поездки, тянулись за мной как шлейф и становились частью пейзажа (не заразилась ли я верой в местных духов? не набрались ли духи каких-нибудь моих черт?). За это время мы с Континентом начали прорастать друг в друга, и меня стали признавать не совсем турист-

кой, а неуловимо «своей». Может потому, что я просто полюбила — не только ландшафты или кухню, но их самих?

Странная штука: чем больше я откладываю, тем неуместнее становится сборник легкомысленных травелогов. Но ненаписанная книга растёт, добавляются новые главы, новые дорожные приключения, новые знакомства. А 2025 год поставил нас на порог дегуманизации людей столь любимого мною Континента, при этом продолжая как ни в чём не бывало утилизировать его, заменяя ценности и удешевляя впечатления (или это только гаитян беспричинно и дико обвинили в зоофагии? Впрочем, кто в состоянии предвидеть, какие ещё дегуманизирующие демарши ждут впереди?). Возможно, именно в этом году книга травелогов будет прочитана как путешествие взаимопознания, а не как попытка культурной апроприации. Так что лучше уж я остановлюсь вот здесь, сейчас, и объявлю по порядку: перед вами дорожные приключения, записки на манжете, дневники досужей путешественницы (постольку, поскольку в двадцать первом веке сохранилось понятие «пути»/дороги и «шествия» по ней).

Если есть дорога, то есть и дом. Это дихотомия. Домой мы привозим сувениры, что в век интернет-магазинов довольно бессмысленно. Но самое главное, мы увозим из дома и привозим в дальние страны себя, и именно так некоторые из дальних становятся близкими. И, конечно же, прошлое — детство, родина, родство с прежним, как повторяющийся узор в новом, — то и дело вплетается в ткань дороги, превращая отдельную поездку в часть общего полотна.

Поскольку есть дорога, есть и попутчики. Обычно в южноамериканских поездках меня с удовольствием сопровождает муж. Не все мои направления вызывают у него энтузиазм, но вот в симпатии к Континенту мы совпадаем. Правда, он выбрал себе довольно-таки раздражающее амплуа пессимиста из анекдота, ходячее воплощение закона Мёрфи: если с нами может произойти что-то плохое, оно непременно произойдёт в дороге. Если поездка проходит слишком уж гладко, он, наверняка безо всякого злого умысла, создаёт каверзные препоны сам, теряя что-нибудь или прямо-таки напрашиваясь на удочку мелких мошенников. Зачем тогда мы

ездим вместе? Думаю, что такому неисправимому оптимисту-пофигисту, как я, просто-таки необходим противовес. Иногда же его порой меланхолические, порой раздражённые комментарии, отталкивающиеся от соображений здравого смысла, вызывают во мне бурю протеста, что приводит к интересным результатам. Итак, не удивляйтесь местоимению «мы».

Угол первый: путник, он же рассказчик. Трудно сказать, за чем гонится путешественник: за идеальным местом для жизни? За острыми ощущениями? Или всё-таки, парадоксально, за пониманием себя? Путешествие позволяет примерить на себя другие повороты сценария, попробоваться в разных ролях. Может статься, в дороге мы ненадолго обретаем возможность собрать воедино потерянные или отброшенные за ненадобностью части личности — и вполне невинно обмануть случайных попутчиков, побыв кем-нибудь другим. Декорации ваши, актёр наш. Хоп-ля, вот она я! — и реквизит в виде большого оливкового чемодана на замочке для более традиционных, организованных и предсказуемых поездок или в виде двухэтажного рюкзака для поездок без плана и удобств.

Психоаналитик Карло Стренгер запустил термин «homo globalis». Он использовал его для описания нового типа человека, возникшего в эпоху глобализации и цифровой коммуникации. Многие из встреченных мною в дороге — это путешественники из рода Homo Globalis, и чем больше они увидели, тем выше личностная ценность на глобальной шкале заслуг. Но мне лично кажется: чем больше продумал, тем значимей путешествие. И тогда условный «дом» тоже приобретает новую глубину, потому что туда можно вернуться с новыми мыслями или замыслами.

Ну вот, с путешественниками мы разобрались, а как же избираются маршруты?

Угол второй: Континент. Южноамериканский континент близок, но относятся к нему с настороженностью. Из-за опасностей, которыми он полон. Из-за наркокартелей (там) и нелегалов (здесь); из-за того, что испанский в США — чуть не второй государственный язык. Из-за их бедности. Из-за их богатства. Из-за мечты о свободе,

равенстве и братстве. И за всем этим упускают красоту и загадочность, трагизм истории и богатство культуры этой лаборатории революционных идей. Подростковый невроз и революционный запал целого континента, любовь к психоанализу и прямолинейная, если не примитивная, сексуализация мира — как уживаются такие разнородные способы существования?

Южноамериканцы любят напоминать гостям, что Южная Америка — это именно, что континент, а не придаток, и не только «латинский» — то, что существовало здесь до Колумба, как минимум самодостаточно. Они не переносят, когда «Америкой» называют США: Северная Америка и так всепроникающа, а европейцы... европейцы знают и ездят, но отнюдь не искать следы предков-колонизаторов, а потому, что горы и океан, флора, фауна и люди прекрасны.

Есть в нас, североамериканцах, этакая снисходительность: вот, мол, братья наши меньшие, страны Центральной и Южной Америки, изъясняющиеся на спанглише. О континенте мы судим по эмигрантам, экспатриантам и беженцам, по неважно одетым растерянными людям, заблудившимся в метро: «¿Habla español?» Мы не знаем — а те, кто знал, забывают, — что южноамериканцы хороши именно дома, в своём элементе, и что уезжают немногие, но остальные-то остаются и проживают жизнь, отнюдь не стремясь эмигрировать. Чудо Континента — это чудо ожидания. Ждать кондоров на Серро Катедраль в Барилоче. Ждать факельной церемонии в гаванской крепости Сан-Карлос-де-ла-Кабанья. Ждать, когда при подъёме в гору в окне автобуса сменяются сезоны. Ждать... А нетерпеливых прошу перебраться на североамериканский берег. Жизнь открытая и шумная, жизнь на виду, на улице, а не в доме — все мы жили когда-то именно так, и это тоже, как возвращение в детство, где детей вызывали со двора через окно, где люди выживали в группах, где на миру и смерть красна, а шторы и двери — так, для украшения. По шкале взросления, если таковую прочертить, это очень детский континент, с известной долей наивности и с детской жестокостью.

К счастью, коммерциализация Мачу-Пикчу и Галапагосских островов пока ещё регулируется. Буэнос-Айрес, город-легенда, тоже пока держится, не теряя лица под напором орды туристов, в отличие от Барселоны или Венеции... Узость туристических appetitов пока

спасает Континент от культурной апроприации. Входя с уважением, можно многое узнать. Именно в Южной Америке встречаются интересные попутчики, поскольку типичный турист не готов на эксперименты касательно уровня обслуживания. Не думаю, что коллекция посадочных талонов с ЛАТАМа¹ делает меня интересным человеком, но то, что Континент обостряет чувства и делает познание мира привлекательным, — это непреложно, непременно.

Есть вполне конкретное сходство между странами Южной Америки, а это значит, к каждой следующей поездке я понимаю чуть больше, прочерчивая новые соединительные линии на воображаемой контурной карте, распознавая приметы общности, радуясь непохожести. Моя профессия позволяет мне пускаться в путь, как в психотерапевтический сеанс с новым пациентом: с любопытством и без ожиданий. Пожалуй, только так можно принять латиноамериканские обидный прагматизм и неожиданные объятия (*touchy culture*, снисходительно пожимаем мы плечами), импульсивность и агрессию, *cat calling* и смешливость. Остаётся сказать на рудиментарном испанском: «Te quiero Sudamerica», — и отыскать новый маршрут на карте треугольника и в треугольном моём сердце.

И, дочерчивая последний угол нашего треугольника, добавлю: рассказу о путешествии непременно нужны слушатели/читатели, а потому — моя глубокая благодарность редакторам журналов и альманахов, в разное время печатавшим и перепечатававшим вошедшие в эту книгу травелоги: Евгении Джен Барановой, «Формаслов» («Собаки на крышах, морские свинки в тарелках», «Чили: черновик приключения»); Леониду Подольскому, «Золотое Руно» («Гавана и окрестности», отрывок из эссе «Ночь, аэропорт»); Александру А. Пушкину, «Слово/Word» («Чрево Картахены»); Татьяне Бородиной, *Elegant New York* («Везунчики», «Как Нью-Йорк танцует танго», «Эквадор: репортаж из центра Земли») и Давиду Гаю, «Времена» («Вниз по сонной Амазонке, вверх к отрогам Кордильер»).

---

¹ LATAM Airlines Group.

ПРИБЛИЖАЯСЬ К КОНТИНЕНТУ

Моё мечтающее «я»

Я хочу повторить следом за заядлой антипутешественницей Анаис Нин, ценившей дорогу больше, чем её конечную цель: «Я вижу себя и свою жизнь по-разному каждый день. Что можно сказать? Факты лгут. Я бывала Дон Кихотом, создавая свой собственный мир... Моё творчество всего лишь сущность этого обширного и глубокого приключения... Мне интереснее стать произведением искусства, чем создавать оное. Мой дар — в отношениях... Я приму лишь тот мир, который я создала сама». Пусть эта книга будет не памятником Континенту, но выборкой вкуса-цвета-запаха, сборником бородатых охотничьих анекдотов, памятником мне и моим отношениям с Южной Америкой.

Нескромно, а как же. Но только осторожно, так и влюбиться немудрено: девственная природа, мужественные люди, благородные идеи — там есть абсолютно всё. Не всё, конечно, пасторально-прелестно, на Континенте очень сильна и нота отчаяния: пропавшие люди, потерянные годы, кризис незарешённых окон и свежего воздуха, прекрасные колониальные постройки рядом с бетонными бараками, и всё слепо, слепо. Даже удивительные лимские балконы задраены наглухо. Но зато в каждой из поездок находится повод посмеяться так, как можно смеяться по ночам в детстве, когда весь дом спит и нельзя шуметь, и только несколько безобразников продолжают смеяться неведомо чему, да вообще нипочему, сердя старших и напрасно пытаюсь подавить спазмы хохота. Где-нибудь на Кубе или в Перу, в отдалённых регионах, в непримечательных углах ещё остались мои саженцы беззаботного, хулиганского смеха.

Южноамериканский континент — моё *детское*, «мечтающее я». Я мечтаю о сальсе и соне, о берегах цветной Каньо-Кристалес,

о беззаботном вечерке в Вальпараисо, о прозрачных горных реках, стекающих с Кордильер-де-Нахуэльбута, о танцах гордых гаучо, о добрых людях из племени урос, живущих на плавучих островах, о весомых шаманах и невесомых золотых бабочках из легенды о жадном конкистадоре. Я поеду снова.

С чего всё началось

Откуда задувает ваш ветер дальних странствий? Мой дует из Аргентины. Мне было, должно быть, четыре или пять, когда на катере «Крыжановка», идущем в Лузановку (так объявляли через рупор при отходе из Старого Порта, где подсаживались мы, и так запомнилось вместе с интонациями), к молодой моей маме подкатился человек в красивой шляпе, показавшийся мне тогда дико старым. Даже не старым; *старинным*. Ему было, наверное, за шестьдесят, так я думаю сейчас. Говорил он с небольшим акцентом. И рассказал поразившую меня историю о том, как, начитавшись книжек о морских путешествиях, нормального детского читива интеллигентных одесских семей, он спрятался в трюме одного из отходящих тогда, в начале двадцатого века, из Одессы кораблей. Так он попал в Аргентину, где выжил и прожил всю жизнь. И только в шестидесятых ему разрешили приехать на ставшую за эти годы СССРом родину. Посетить могилы, думаю. Я долго потом вспоминала его и думала о его «ведьтакнебывает» истории, мысленно проводя по внутренней карте мира линию, связавшую Одессу с Буэнос-Айресом. За детство таких линий накопилось некоторое количество, я ведь уяснила себе, что чтение — это лучший побег. А потом я выросла и во взрослой жизни, то есть в эмиграции, проследовала по каждой. Но Аргентина... Аргентина была первой. Я побывала в Буэнос-Айресе и в Патагонии, а потом начала танцевать танго, и это увлечение (наважде-ние, скажут некоторые) продлилось двенадцать лет.

«Почему ты танцуешь?» — это нормальный для танцпола вопрос. Но правильнее спросить: «От чего ты бежишь?» Кто-то уходит в тангерос от боли в разбитом сердце; другие бегут от старости и связанной с ней некрасоты. Кто-то ищет внутреннюю свободу.

Ещё кто-то, вот как я, учится следовать, а не вести, и прислушиваться к партнёрам. Танго — это философская база Аргентины.

Я напишу ещё об Аргентине по-настоящему, глянув изнутри. Но пока — незамысловатая дорожная побасёнка.

Лет двадцать назад в поисках истинной, нетронутой природы я оказалась в аэропорту крошечного городка Эль-Калафате на самом краешке континента, через пролив от Антарктики. Это было ещё до нашествия в Патагонию турагентств, до прихода больших компаний и роскошных, но вполне доступных круизов «для всех». Безумная поначалу идея поездки в Патагонию реализовалась через год после того, как я случайно набрела на статью, описывающую экзотическое, *off the beaten path*, путешествие к Террадель-Фуэго, Огненной Земле. Нет, это были не «Дети капитана Гранта», а статья в воскресном номере «Нью-Йорк Таймс». Статья обещала не затоптанную цивилизацией красоту, милых приветливых аборигенов, встречи с невиданными зверями и с величием ледников. Дух Магеллана витал в этих местах; здесь останавливались полярные исследователи перед опасными экспедициями на Южный Полюс; сюда ссылали самых опасных преступников. Во мне немедленно воспрянул другой дух, дух Паганеля. Мерещились затерянные экспедиции и суровая природа. С того воскресенья покой был потерян.

— Знаешь, сколько это, наверно, стоит? — заворчал муж, когда я впервые не заикнулась даже, а пискнула о Патагонии вслух. И некоторое время после моего робкого писка он разглагольствовал о литературщине и о том, как дороги нынче острые ощущения. «Однако!» — как сказал Киса Воробьянинов, услышав, сколько стоят солёные огурцы.

И я решила убедить его, что поездка в Патагонию по карману любому представителю среднего класса. А посему, сначала разбив временный лагерь на полу секции «Путешествия» книжного магазина «Барнс и Нобл», а потом пересев за компьютер, я нашла энтузиастов Аргентины (среди тангеро, конечно, нашла, хотя сама ещё не танцевала тогда), которые в свою очередь связались с энтузиастами с более узким интересом, именно к Патагонии, и уж они вывели меня на блоги тех, кто однажды, дважды или трижды

проделал сей славный путь. В туристические компании я не обращалась: во-первых, тогда это действительно было не по карману, во-вторых, мне хотелось того нетронутого опыта, который не купишь вместе с готовой путёвкой. Чтобы жить не в отеле, а среди местных. Чтобы путешествовать не в комфортабельных туристских автобусах, а передвигаться так, как по этой земле передвигаются её исконные жители. И вбирать, вбирать в себя дух земли. А потом, дома, время от времени открывать фляжку воспоминаний и пить из неё питательную энергию этого вновь открытого, познанного нами мира.

В результате наш с мужем и сыном, тогда ещё подростком, маршрут пролегал из Буэнос-Айреса в Ушуайю; мы провели некоторое время на Огненной Земле; отсюда — перелёт в Эль-Калафате; а там уж и до Национального парка Лос-Гласьерес с его ледниками рукой подать. Собственно, городок Эль-Калафате являлся единственной связкой между цивилизацией и ледниками. Как сказал случайный попутчик, этот город возник исключительно для нас, туристов, что, конечно же, неправда, но всё же. Оттуда мы возвращались в Буэнос-Айрес. Вот такой план. Мы, с одной стороны, чувствовали себя первооткрывателями по сравнению со встреченными в Буэнос-Айресе знакомыми, отправлявшимися отсюда на групповую экскурсию по более предсказуемому маршруту Игуасу — Рио, а с другой, радовались, что Патагония не разочаровала: всё было, как обещано, полноценным — и природа, и люди, и животные. Так прошло полпоездки.

Милый аргентинец, организовавший поход через остров Хаммер и шлюпку к лежбищу королевских пингвинов, дал мне немало ценных советов по поводу внутренних переездов. Он же предложил организовать все ушуайские и калафатские пересадки-перевозки. Нет, сказала я, мы пойдём другим путём — я хотела путешествовать так, как путешествуют местные, и по мере возможности среди местных жить. Городских автобусов, к сожалению, на Огненной Земле не оказалось, так же, как и маршрутных такси, но поскольку я была намерена доказать, что это самая что ни на есть дешёвая поездка, я нашла в интернете информацию, что и в Ушуае, и в Эль-Калафате, оказывается, отменно бегают такси, и стоят они

столько же, сколько стоили тогда такси по всей Аргентине — сущие пустяки. За доллар, например, можно было прекрасно добраться из аэропорта в город. *За доллар!* Поскольку моего испанского в сочетании с энергичной жестикуляцией и мимикой вполне хватало в Буэнос-Айресе, я не усомнилась в том, что легко смогу и заказать такси, и договориться с местными проводниками.

Вы не думайте, я самостоятельно спланировала очень многое, и всё работало, как часовой механизм, пока не испортилась погода и наш самолёт не задержался с вылетом из Ушуайи. На самом-то деле это тоже оказалось неожиданным подарком, так как мы решили, что задержка — это отличная возможность быстренько метнуться назад в город и посетить знаменитую ушуайскую тюрьму, самую южную тюрьму мира, под чьим фундаментом находится вечная мерзлота, делающая её также и самой неприступной. Мы действительно успели не только найти и посетить тюрьму, но и вовремя попасть назад в аэропорт (на том самом такси за доллар). Всё шло волшебным образом: в аэропорту мы встретили людей, с которыми накануне пересекали пешком один из крошечных островков, и распивали с ними кофеи до самой посадки, предвкушая Лаго-Архентино, и знаменитые ледники Упсала, и Перито-Морено, и обсуждая наши шансы на встречи с кондорами и броненосцами (спойлер — всюду побывали, всё увидели и даже на лошадях пересекли пампасы).

Короткий перелёт — и мы в Эль-Калафате. Наша маленькая группка прошла через пустое здание аэропорта и вышла на стоянку. Вид был потрясающий, лишаящий речи: вокруг шелестели бледно-жёлтые пампасы, а вдали темнели горы, подсвеченные сзади только что севшим солнцем. Там, на стоянке на фоне гор, стояли микроавтобусы со включёнными моторами и несколько запаркованных машин. Наши новые знакомые, жизнерадостно помахав, погрузились в ожидавший их микроавтобус. Другие пассажиры с нашего рейса тоже удивительно быстро растворились в сумерках. Такси не было видно нигде.

Оставив мужа и сына с чемоданами, я вернулась в здание и устремилась к окошку с таким домашним, успокаивающим, издалека желтевшим словом «TAXI». Очереди не было. Собственно

говоря, ни к одному окошку очередей не было. И вообще почти никого не было вокруг. Окошко оказалось закрытым. Я постучала — никаких признаков жизни. Через несколько минут бесцельного кружения я заметила полицейского, следовавшего мимо меня к выходу. По-английски он не говорил, но с живым интересом выслушал мой неуклюже выстроенный, но вполне понятный вопрос и ответил недлинной любезной тирадой, в которой я уловила знакомое слово «la casa».²

— Они дома? Они ушли домой? — догадывалась я. — А как же их травахо³? Люди же ждут в аэропорту?

Из следующей тирады я уловила слово «cerrado».⁴

Закрыто? Ну, вижу, окошко закрыто. Нет, он, кажется, сказал, что аэропорт закрыт?!

Вдруг полицейский припустил куда-то, поманив меня за собой. Он торопился не зря: девушка в каком-то дальнем окошке как раз встала и потянулась к вешалке за курткой. Она говорила по-английски и подтвердила то, чему я никак не могла поверить: аэропорт закрывается до завтрашнего утра, они и так припозднились, поскольку наш рейс задержался, а такси...

— Обычно туристы пользуются специальными автобусами.

— А местные?

— Местные сюда не прилетают. Что им тут делать?

Резонно.

— А что же теперь делать?!

Можно вызвать такси из другого пункта; ближайшее — в двадцати пяти километрах, в городе. Если они не закрылись, конечно. И вызвала. И диспетчер на том конце велела ждать машину — ура!

— Когда оно прибудет?

— Кто знает, — меланхолически вздыхая, сказала моя потенциальная спасительница. — Может, через полчаса, может, позже. Это ведь не прямая дорога, а через гору. А город — на другой стороне горы.

---

² Дом (исп.).

³ Работа (исп.).

⁴ Закрыто (исп.).

Между тем, обернувшись с тем чувством, которое, наверно, испытывает разведчик, вернувшийся живым после опасной операции, я увидела нечто, поразившее меня: в здании никого, кроме нас троих, не было. Собственно говоря, кроме меня: муж и сын по-прежнему стояли там, откуда ушёл последний автобус, и следили за мной через стекло. Почти во всём аэровокзале был выключен свет, а двери были обездвижены, и только одна половинка дальней двери была всё ещё открыта. Я кинулась на... чуть не написала «улицу» — но в том-то и дело, что за крохотным заасфальтированным квадратиком парковки начиналась нетронутая пампа, а никакая не улица! — за своими, чтобы они успели прошмыгнуть назад, в здание. Снаружи невнятно горели лампочки — одна у входа, другая на опустевшей стоянке с двумя машинами. Слышались какие-то уханья и всхлипы. По единственной дороге, уходившей в горы, далеко-далеко полз последний отъехавший отсюда микроавтобус. Он был похож на умирающего светлячка, выдавливающего остатки света из тускнеющего брюшка. Мы протиснулись в обездвиженную дверь и решили во что бы то ни стало аэропорт не «сдавать».

— А если они нас тут закроют? Как мы попадём к приехавшему такси?

— А если такси не приедет сегодня? Я не знаю, что обычно едят на ужин пумы, но выяснять это опытным путём неохота. В крайнем случае дождёмся утра в здании.

Я кинулась назад, к своей англоязычной помощнице... Поздно: окошко было закрыто. Все окошки были закрыты, как, впрочем, и все те внутренние двери, к которым у нас был подступ из зала. В аэропорту, наверно, были ещё какие-то люди, но найти их было невозможно. Тишина, полутьма... Оставалось ждать.

Муж сказал, что он всё-таки выйдет на улицу высматривать такси и будет караулить состояние наружной двери, а если её начнут автоматически закрывать, попробует заблокировать её чем-нибудь из нашего багажа, чтобы мы смогли просочиться наружу. Я предлагала караулить дверь изнутри. Пропустить появление такси было невозможно: вокруг царил полная, абсолютная, совершенная тьма. Не было видно больше ни гор, ни пампы, ни звёзд. В конце концов мы всё-таки поставили в дверь чемодан, хотя надежда на приход

такси в мёртвый, тёмный, молчащий аэропорт по неосвещённой, потерянной где-то между верхушками гор и созвездием Персея дороге оставалась очень слабая.

В конце концов очень далеко (сначала показалось — это падающая с неба звезда) мы увидели слабую движущуюся точку света. Надежда... мы узнали истинный вкус этого блюда. О, как мы надеялись, что это за нами. Теперь мы знали, как чувствовали себя древние моряки при виде маяка. За этим ощущением стоило приехать на край света. За редким для городского человека чувством радости от того, что ты не единственный Homo sapiens в радиусе двадцати пяти километров.

Стоит ли упоминать, что когда таксист довёз-таки нас до пансиона, встревоженные хозяева которого уже не надеялись нас сегодня увидеть, и, извиняясь, объявил «приговор» с учётом ночной наценки — три доллара, я дрожащими руками дала ему двадцатку и использовала все известные мне слова благодарности на всех языках, включая русский?

Везунчики

Переплетённые корни тянутся через континент. Еврейские фамилии становятся русскими, а потом, укорачиваясь, аргентинскими, немецкие — чилийскими. Нам остаётся только догадываться о прихотливых маршрутах, приведших предков очередного нового знакомого в благословенный край.

* * *

Маленький, аккуратно изготовленный, похожий на седеющую конфету в ячейке коробки Хосе живёт в окрестностях Нью-Йорка с раннего отрочества. Не от хорошей жизни уехала его семья с дальнего хуторка на севере испанской Галисии, но он и его сестры неплохо успели в американской жизни. Всё у него нормально, во всяком случае, материально. Думает ли он о том месте, откуда увезли их отец и мать? Да нет, на это нет ни времени, ни энергии. А если ехать в Испанию в отпуск, то куда-нибудь посимпатичней, а не на хутор из трёх развалюх. Собственно говоря, и семей тех

нет уже: кто там мог выжить? Последняя карта этой местности была составлена ещё при Франко. Как только дети в школу да старики в больницу попадали? Скорее всего, вовсе не попадали. Простая жизнь, совсем не так живёт вся остальная Европа.

И вот Хосе летит в командировку в аргентинскую Кордобу. Тоже не центр цивилизации, заметьте. Сесть в такси после девяти вечера — целая история. К счастью, он говорит по-испански, а потому быстро договаривается с шофёром единственного грузовичка, что-то там разгрузившего и готового ехать обратно в город.

Едут, но как-то беспокойно: водителю по виду лет сто, Хосе даже неудобно на него смотреть, вроде бы с недоверием выходит.

Шофёр ему:

— Интересный у тебя, брат, акцент. Ты откуда будешь?

— Из Хобокена.

— Но ты родился в совсем другом месте, не так ли?

Что он всё выпытывает, думает Хосе.

— Семья родом из Испании.

— Ну да, все мы родом из Испании. А откуда?

— Из Галисии.

— Да что ты говоришь!

Молчание.

— А в Галисии, брат, где жили?

— Ла Корунью знаешь?

— Ну да, ну да... а где конкретно?

— Недалеко от Полигоно де Потомако.

Шофёр цокает языком.

— А ты сам откуда родом? — Хосе абсолютно всё равно, но вежливость обязывает.

— Да я, брат, тоже там жил недалеко. Надо же, нас всего три семьи на хуторе жило.

Действительно, какое совпадение.

Помолчав, шофёр продолжает допытываться:

— А как твой хутор назывался? А твой дом у дороги был или за оврагом? А как деда звали?

Они подъезжают к гостинице. Хосе расплачивается и выходит. Грузовик медленно выруливает обратно на дорогу, и тут шофёр кричит в окно:

— Слушай, парень. Твой дед в шестьдесят девятом одолжил мне денег, чтоб эмигрировать, но здесь тоже не мёдом мазано. В общем, семья твоей спасибо, но деньги не верну, ты уж извини.

И газует.

Рассказывая мне эту историю, Хосе сетует:

— Ах, что за дурак! Да не стал бы я требовать с него деньги, мне бы рассказы послушать о прошлом. Я своего деда видел только в самом раннем детстве, он с нами в эмиграцию не поехал — не на что было...

* * *

Жаль, что нельзя познакомить Хосе с Алом, они нашли бы общий язык. Ал, один из моих многочисленных партнёров-тангеро, тоже эмигрант из Европы, но во втором поколении. Он родился в Мехико у родителей-поляков. После Второй мировой вдруг появилась возможность отправить маленькую группу польских детей в Сан-Франциско. Родители (у кого они были) собрали их, как смогли. После двух месяцев океанской качки и тревог дети вышли на берег, с облегчением маша вслед отплывающему лайнеру. Никто их не встречал. Поскольку ни один из них не знал английского, они не сразу поняли, что вышли не в Сан-Франциско, а на предпоследней остановке, в другой Америке, в порту Веракрус в Мексике.

— А потом что?

— Выживали как-то. Как подросли, переженились все, со своими же легче.

Через каких-то пятьдесят лет после этого события Ал осуществил мечту папы и мамы и переселился в Нью-Йорк.

— Они смотрят на меня сверху и радуются, что я умею выбирать города для жизни и, главное, выходить на правильной остановке.

СОБАКИ НА КРЫШАХ, МОРСКИЕ СВИНКИ В ТАРЕЛКАХ (ПЕРУ, 2012)

Беспосадочный Нью-Йорк — Лима

Среди вырвавшихся из-за «железного занавеса» бывших соотечественников я совершенно не оригинальна в своём навязчивом желании путешествовать. В конце концов, не за это ли право мы боролись? Но маршруты, которые манят меня, безошибочно мои. Долгожданное путешествие в Перу начинается в полусне: обычно я как раз в полночь ложусь, а тут — полуночный вылет. Тем чудесней выглядит будущая поездка, действительно, нечто из области сна. Собственно, ощущение пребывания в некой чудесной стране начинается даже до взлёта, у стойки регистрации билетов: ко мне начинают обращаться на испанском — вроде того, что хватит притворяться, уж перед своими-то зачем на английском... Впрочем, что ж здесь чудесного, со мной это случается в каждой латинской стране. Уверения в том, что я не понимаю большинства сказанного, никого не убеждают, а когда я ещё и указываю в анкете испанское имя моей мамы (дань патриотической поддержке Испании в Советском Союзе 30-х), любому становится окончательно ясно, что я — латина, не помнящая родства, и английский исчезает совсем. На все переговоры с авиадевушками высылаю вперёд мужа, его-то внешность сомнений не оставляет: он типичный гринго-турист.

На терминале LAN пахнет почему-то жжёным сахаром. Неужели здесь и в самолётах подают знаменитое латиноамериканское лакомство *dulce de leche* — точь-в-точь варёная сгущёнка из советского детства (если кто не в курсе: берёшь запечатанную банку сгу-

щённого молока, кипятишь около часа, потом открываешь и ложкой вытягиваешь тёмно-коричневую ирисочную вкуснятину)?! Я, известная сладкоежка, начинаю исходить слюной, и совершенно, кстати, напрасно. Это ветер дальних странствий, пошутив, пригнал сюда завлекательный аромат.

В очередь на посадку за нами становится еврейская ортодоксальная пара. Перед ними огромная тачка чемоданов. Они неуловимо отличаются от наших нью-йоркских ортодоксов: то ли шляпа другого фасона, то ли костюм темнее. Ну, так и есть: говорят между собой по-испански! Оказывается, в Лиме живут бок о бок не только потомки индейцев и конкистадоров, но и еврейские ортодоксы и потомки нацистов. Ну и, конечно, китайцы и японцы. Кто только не эмигрировал в Южную Америку!

Утром мы в Лиме. Как-то иначе представляешь себе город, являющийся одним из печально знаменитых «опасных» городов, где убийства и ограбления происходят ежедневно — но Лима удивительно красива и многообразна. Захолустное поселение во времена инкской империи, Лима была вознесена испанцами в статус столицы, выстроена по образцу испанских городов, а потом, кажется, после землетрясения в 1746-м, отстроена ещё лучше.

Начав с Плаза де Армас, бескрайней главной площади в историческом центре, описываем концентрические круги и вскоре видим нечто, напоминающее Чайнатаун! Знакомые красно-золотые очертания ворот Чайнатауна неизменны, как МакДональдс, но за ними — все краски и звуки латиноамериканского *mercado*: невероятной яркости фрукты и овощи; сласти, варящиеся в чанах прямо посреди мостовой и разливающиеся в пластиковые стаканчики (стаканчики продаются тут же, по сто штук в мешке); очищенные, кругами нарезанные ананасы и арбузы, как разноцветные гигантские шайбы — они лежат прямо за стёклами передвижных лавчонок.

— Мани? — спрашивает продавец обжаренного в сахаре арахиса. Неужели я похожа на человека, неспособного расплатиться за дешёвое лакомство? Оказывается, это арахис — *mani*. Почему бы и не *mani*? Этот арахис на похож ни на тот, что можно купить у уличного торговца в Нью-Йорке, ни на магазинный. А вот и ряды

свежайшей рыбы, просто-таки подпрыгивающей от нетерпения окунуться в маринад из лимонного сока с луком и превратиться в севиче. Действительно, так и происходит, и через несколько шагов — вот они, стаканчики с севиче! — а на каждом сидит маленький обжаренный *pulpo*-осьминог. Но и Китай всё-таки присутствует: огромные связки бумажных цветов, гирлянды дешёвых игрушек и бижутерии, бисер, бисер, бисер... для изготовления перуанских народных поделок, конечно! Маскарадные костюмы и костюмы купальные, галантерея и дешёвая пластмасса... Сплав культур будет преследовать всю поездку, а сплав времён будет чувствоваться ещё больше, потому что древность в Перу — дело дня сегодняшнего.

А ещё в Лиме тесно переплетаются бедность за пределами понимания человека из постмодерна и вполне комфортный уровень жизни. В Лиме можно увидеть и военный парад, и пластмассовые угрожающие щиты в руках полицейских, и благополучных, достаточно богатых профессионалов, и нищету. Но бедность здесь спокойна, нищета не вызывающа, все, по-видимому, спокойно относятся к ужасающему разрыву между классами. Преступлений, говорят, немало, но преступники совершают их исключительно по необходимости.

Голова кружится от многообразия увиденного, от контрастов при переезде из одного района города в другой — и это после Нью-Йорка, известного своим умением совмещать несовместимое! Ну и от недосыпа, конечно. Завтра рано утром мы уезжаем в Паракас, кроме того, я ещё вернусь в Лиму, потому что сокращаем вечернее гулянье и отправляемся спать пораньше.

Estacion del Sur⁶ и другие станции

Ещё до рассвета приезжаем на автобусную станцию. Там нас ждёт настоящий сюрприз: оказывается, в Перу неплохо быть небедным. Первый класс рейсового автобуса «Cruz del Sur» стоит немало по перуанским понятиям, не все могут позволить себе такой способ передвижения, но... он того стоит! Хоть и стыдно так роскошни-

---

⁶ Название автобусной станции компании Cruz del Sur.

чать: в памяти свежа профсоюзная демонстрация из вчерашнего утра, молчаливые разношёрстные демонстранты против выстроившихся в заградительную линию полицейских, тоже молчащих за своими щитами. С другой стороны, сегодня, расплачиваясь в твёрдой валюте, обнаруживаем, что всё происходит организованно, по расписанию, с комфортом на грани фантастики.

Вчера в центре Лимы мы пообедали в ресторанчике с местными, съев достаточно неинтересный, но зато обильный обед из трёх блюд, который стоил нам что-то около двух с половиной долларов на человека. Рядом сидели «голубые воротнички», клерки. А вот в ресторанах для туристов рыба счастлива очутиться в моей тарелке и благодарит за предоставленную возможность, официанты благодарят за самые небольшие чаевые дрожащими губами. Вчера мы видели битком набитые так называемые «колективос», шныряющие повсюду дешёвые автобусики для простого люда. А сегодня едем в двухэтажном суперавтобусе с раскладными сиденьями (в классе «люкс» они раскладываются полностью, так что можно лежать), питанием, фильмами на двух языках. Вот она, страна третьего мира... Лозунги, клеймящие капитализм и коррупцию, украшают бараки вдоль дороги.

Едем несколько часов. Местность оживает. Некстати должна заметить, что даже в Индии больше уважают магистрали: тут их не только перебегают, но даже переезжают на телегах. Дорога убога, но хороша. Океан-подлиза подкатывается к самому её краю. Горы подступают с другой стороны. Город *Мала*, плохой, видимо, город,⁷ выставляет к дороге форпост горы... ну, так и есть: местность называется «Район Голубой Горы». На станции под вывеской «Estacion del Sur» нас приветствует открытый чёрный рот печи, в которой выпекаются тамале и эмпанады для проезжающих. Мне трудно понять пока, как тут всё оперирует: то ли это декорации для туристов, то ли мы видим живую жизнь.

Спрыгнув со второго этажа автобуса в Паракасе, обнаруживаем, что жильё нам отведено прямо за автобусной станцией, в домиках мотельного типа, крытых бамбуковыми циновками, с бам-

---

⁷ *Mala* — плохой, плохо (*исп.*).

буковыми же заборами вокруг (потом всё же обнаружилось, что настоящая крыша у домиков имеется, лично на неё поднималась). Вид у бамбуковых хижин такой хлипкий, что, входя, спрашиваю: «А в туалет на станцию бегать?» — на что девушка на ресепшене с русскозвучающим именем Оленка, что-то среднее между Алёнкой и Оленькой, темнощёкая и пухлая, как большинство перуанских девушек, обиженно говорит: «Ну, если вам так захочется... хотя удобнее пользоваться собственным». Тут и обнаруживается, что комната очень даже хороша: новенькая, с современной сантехникой и огромным балконом, затянутым со всех сторон теми же циновками.

«Либертадор» Перу генерал Сан-Мартин высадился именно тут в 1820 году, о чём и свидетельствует обелиск в форме паруса прямо через дорогу от автобусной станции. В какой-то момент я заподозрила, что прибыл он тоже на автобусе «Cruz del Sur». Переходишь к парусу — и ты уже в зоне природного заповедника. Мне начинает нравиться этот динамичный сплав прошлого и настоящего, природы и людей. Ни ворот, ни сторожа, ни таблички, ни карты. Настоящие путешественники сами чертят карты.

Национальный парк Паракас — это соляная тропическая пустыня, образованная на месте доисторического океана. Песок — красный, жёлтый, белый от соли. Здесь обитают птицы, двести видов. Не все имеющиеся виды вышли нас поприветствовать, но колония знаменитых перуанских олуш, внешне напоминающих пеликанов, сидит на берегу и на прибрежных скалах и трудится над производством самого дорогого удобрения в мире, знаменитого гуано, «перуанского золота». В воде неподалёку от берега играет стайка дельфинов. В небе стервятники, альбатросы, чайки, десятки птиц, чьи названия мне неизвестны. Говорят, среди них есть и дарвиновские вьюрки.

Вот не говорите, что названия даны случайно. Плайя Супэй (в переводе «недобрый/зловещий берег», «берег злых сил») была названа так из-за зловещих звуков, издаваемых птицами, а также из-за рифов, о которые разбивались рыбацьи суда (привлечённые, видимо, именно звуками), но именно там, ввиду птичьего острова

Ле Катедрал («Собор»), из-за землетрясения 2007 года потерявшего часть своего готического великолепия, на мужа пребольно шлёпается ком птичьего дерьма размером с небольшой кокос... но нет, это не драгоценное гуано, а глинообразное, тёмно-зелёное дерьмо стервятника. Мы до самого вечера вспоминаем меткую птицу, явно посланную злыми силами, пытаюсь отодрать зловонную субстанцию, которая проела-таки дыру в футболке.

В самом Паракасе, рыбацкой деревне, известной только своей близостью к национальному парку, на улицах больше собак, чем жителей. Туристский сезон подходит к концу, в Южном полушарии — поздняя осень. Рестораны, тем не менее, упорно не закрываются допоздна, киоски с художественными промыслами (имена хозяев выведены большими буквами, очень трогательно) продолжают работать. Стаи собак кучкуются на единственной площади, сиплым лаем провожая редких прохожих, и иногда пытаются зайти в рестораны, откуда их с победной руганью выпроваживают официанты; уверена, что собаки просто хотят помочь ресторанам избавиться ото всей этой рыбы, наловленной впрок и никому больше не нужной. С заходом солнца возвращаются рыбаки. Зимняя ночь (это ведь всё-таки зима Южного полушария, хоть и май) наступает быстро, и уже в полной тьме они начинают выгружать свою серебряную добычу. Пахнет детством, портом.

Ещё птицы, горы песка и свежесброженное вино

Самой большой проблемой оказалось то, что в этой стране на английском говорят только тургиды, да и то не все и очень плохо. Лихорадочно вспоминаю самые насущные испанские существительные и с помощью случайно подвернувшихся глаголов (их у меня обнаруживается штук пятнадцать в наличии) леплю их в некий бесформенный ком. Когда кончаются глаголы, начинаю бешено махать руками и вращать глазами. К сожалению, вращение глазами не помогает *понимать*... а поэтому до меня только сегодня доходит смысл того, что вчера сказали две грустные тётеньки, туристки из Испании: они вчера не поехали на острова Баестас из-за небольшого землетрясения... Мой путеводитель утверждает,

что в народе остров называют «Галапагос для бедных». Неужели мы не увидим его?! Нет, сегодня всё успокоилось, можно выходить в море, говорит приветливая Оленка. Действительно, доплываем за какие-то сорок пять минут, а удовольствия — как от визита в мир, в котором ещё не нашкодил человек.

На островах Баестас толкуются птицы. Пингвины напоминают приезжих купальщиков на одесских пляжах: белогрудые, толстоватые, они с опаской подбираются к воде, трогают лапкой, отскакивают немедленно; крылышки короткие, как озябшие ручки где-то под мышками... Стоят группками и совещаются, купаться сегодня или не купаться. Посовещавшись, всё же прыгают в воду и... исчезают немедленно: они — какие-то реактивные амфибии, секретное подводное оружие. Многообразие птиц поразительно. Они греются на солнышке после нырков за рыбой. Тут же развалились тюлени и морские котики. Рыба же выпрыгивает так высоко, что кажется, что это рыбы охотятся на птиц, а не наоборот. Говорят, акулы именно так и делают — но здесь нет акул. Здесь царит гармония.

По дороге обратно разглядываем издали *El Candelabro*, Канделябр — гигантский, высотой в 180 метров, геоглиф: то ли трёхголовый кактус — если нарисован астрономами из цивилизации Наска около тысячи лет назад, то ли подсвечник — если это дело рук испанских пиратов в XVI веке. Он прочерчен на склоне песчаной горы с той лёгкостью, с которой прутик малыша чертит фигурки на песке. Так и видится громадный небесный карапуз, вглядывающийся в крохотную земную горку. Краски этих гор невероятны: насчитав двенадцать цветов, начинаю сомневаться, знаю ли я вообще названия этих оттенков. Вода же чётко двуцветна: лазоревозумрудная у берегов, тёмно-зелёная на глубине. Тихий океан тих после вчерашнего, как провинившийся мальчишка. Совершенство этого утра начинает пугать, но тут я, любуясь отснятым на острове, нечаянно стираю весь фильм, и всё в жизни становится на места.

Опять автобус. На этот раз едем недолго, в другой городок той же провинции Писко, Ику. Кукуруза и спаржа растут вдоль всей дороги. Кукуруза — гигантская, никогда не видела такой, но североамериканская слаще и сочнее. А вот спаржа и авокадо вкусны необыкновенно. Кресты вдоль дороги, очевидно, отмечают место

гибели неосторожных пешеходов, тех, кто не добежал... Но главные надгробия и объяснения увиденного ещё впереди: придорожные мемориалы и многоэтажные, как в Новом Орлеане, склепы на местном кладбище хранят память о погибших в гигантском по силе (7.9 по Рихтеру) землетрясении 2007 года, сопровождавшемся цунами. Некоторые из погибших возведены в статус святых и успешно исцеляют выживших. Статуя «чёрного Христа», одна из немногих существующих — всё, что уцелело от кафедрального собора XVII века, — тоже считается нынче чудесной. Ика живёт себе поживает тихой провинциальной жизнью, но само существование этого оазиса в окружении пустыни, постепенно наступающей (из семи лагун, окружавших город, высохло шесть) на город без дождей, странно и непостижимо. Дождя в Ике не было уже шестнадцать лет! Бывали и более длинные периоды без дождя, говорят старожилы. Маркес, чистый Маркес. Хм... Колумбия-то совсем недалеко, держи на север и — вот она. Значит?..

Через пару сотен метров за оазисом начинаются дюны. Мы пересаживаемся в «багги», и начинается гонка по крутым песчаным холмам. А потом нетрусливые съезжают с вершины на сэндборде. За ними следом съезжают трусливые, поскольку «багги» уехал, а проводить здесь ночь не хочется. Уже внизу оглядываюсь и не верю своим глазам: как я могла съехать с этой стены песка?! Правда, за полтора часа спуска тормозить так и не научилась (ладно, не буду о синяках...).

Между океаном и дюнами растёт виноград. Виноградники провинции Писко порождают национальное достояние. Называется оно тоже писко. Надо сказать, что Перу и Чили долго боролись за первенство, так как чилийцы тоже считают писко своим национальным напитком, но Перу всё-таки победил. Писко производится из муската. В переводе с языка кечуа — «летающая птица». Его относят к разновидности виноградного бренди. Для производства писко берут чистое, свежесброженное вино из винограда без кожицы и косточек. Его выдерживают в конических глиняных сосудах. Сосуды можно увидеть у ворот виноградников, за заборами домов. Дистиллируют писко один раз и получают жидкость крепостью в 43%. Добавлять воду категорически запрещено. На

его основе делается множество коктейлей, в том числе и один из самых известных коктейлей в мире, Писко Сауэр. Говорят, что перед тем, как давить виноград (а делается это по ночам), работникам наливали писко, и они танцевали на винограде с пением до самого утра. Перепробовав с десятков разновидностей писко на винограднике, заявляю со всей ответственностью: как и любое свежесброженное вино, писко пьётся очень легко. Чувствую себя, как типичная летящая птица. Настроение прекрасное, душа поёт, можно сказать. А вот встать на ноги и с достоинством пройти между столами, ничего не опрокинув, оказывается гораздо сложнее...

В следующий раз я вспомню о чудесных качествах писко, когда мы, совершенно незаметно для себя, напьёмся в севиче-баре, прямо накануне выхода на Мачу-Пикчу под чуткой опекой соотечественника-официанта («Повезло мне влюбиться в перуанку! А вообще-то я из Кишинёва...»)... И ещё раз — в картинной галерее, представляющей работы художников Куско, где Христос в Гефсиманском саду топчет ногами виноград, а красная кровь из стигмат стекает в красную кровь винограда... Такой вот синкретизм.

Таинственная цивилизация Наска и не менее таинственные проявления перуанского гостеприимства

Уже поздним вечером подъезжаем к городу Наска, где завтра нам предстоит полёт над чудесными и таинственными линиями Наска. Нас встречает на станции хозяйка маленького турагентства, отвечающего за завтрашний полёт в четырёхместном самолётике, и лично отвозит... куда-то. Мы трясёмся по бездорожью, в полной темноте. Синко минутас,⁸ действительно. Но, приехав к внушительным воротам, мы видим, что нас не ждали. Наша водительница, устав сигналить, выходит из машины и начинает колотить в ворота. Ждёт ответа безрезультатно. Уходит куда-то в темноту и возвращается со сторожем. Только это слово приходит на ум при виде невыспавшегося, встрёпанного старикашки в бесформенном тря-

---

⁸ 5 минут (исп.).

пье, но он оказывается администратором отеля. Нелла, так зовут женщину, извиняется за неудобства (то есть мне хочется верить, что извиняется — по-английски по-прежнему не говорит никто), и мы вместе с чемоданами пролезаем в дырку в заборе. К слову о заборах: так как любителей ограбить ближнего своего здесь, видимо, немало, заборы обычно везде очень суровые, но они всё же выше и страшнее в Лиме, где действительно есть кого грабить.

В любом случае, всё здесь кажется очень подозрительным. Нас ведут по ухабам неосвещённой территории, через какую-то открытую балюстраду, и приводят в огромную комнату на самом краю пустого, так нам показалось, курортного комплекса. Всё здесь недостроенное и пыльное, но в ванной — современный стеклянный потолок (от него тянутся потёки, счастье, что дожди и здесь редкость), кровать огромна, покрывало на ней нелепо блестит золотой нитью. Ни полотенце, ни мыла нет.

Самое главное — очень хочется есть. Я каким-то образом выражаю эту мысль (спасибо опыту работы с мексиканцами в кафе в студенческие годы), и с недоумением на лице тот же сторож извлекает пыльную толстую книгу. Это меню, не молитвенник? Из близлежащего ресторана? Или из отельной кухни? Я стараюсь не задумываться и заказывать быстро. В меню — «Lomo Stroganoff» и салат «Уолдорф»... Муж не рискует попробовать «Lomo Stroganoff» по-наскийски и просит «пойо» (*pollo*), курицу, то есть, а я, естественно, из любопытства заказываю «Уолдорф». И чаю, пожалуйста, горячего чаю. Ответом мне — полное недоумение. Те пара ми, пор фавор... бесполезно. Ладно, проехали.

Быстро моемся под ледяной струёй: конечно же, мыло у меня с собой, я опытный путешественник. Минут через сорок, когда голод утихомирился сам собой и я готова соскользнуть в сон, а муж зачем-то пытается побриться, — стук в дверь. О-о, да тут целая делегация! И сколько у них кульков и кулёчков в руках! Приготовили. Всё приготовили. Включая пять или шесть полиэтиленовых мешочков с приправами, тронуть которые мы не решились, а также кипяток в пластмассовых (!) баночках, несколько (!!) чайных пакетов и увесистый мешочек сахара. Поняли-таки про чай! Для сведения: когда в гораздо лучшем, столичном отеле я попросила

вечером чашку чая, все долго бегали, совещались, суетились, а потом предложили мне в качестве достойной альтернативы чашку горячей воды и пакетик сахара... В общем, ребята с ужином справились. Съесть эти невероятные порции было невозможно. Утром я отправилась искать таинственных поваров, чтобы поблагодарить их, но концов не нашла, и только тот же вчерашний старик уныло пожимал плечами в ответ на все вопросы.

Нелла возвращается утром, чтобы отвезти нас на аэродром. Количество крохотных авиакомпаний, кормящихся показом линий Наска, поражает. В самолётики, правда, больше четырёх пассажиров не вмещается, а есть, говорят, и двухместные. Летала я в своё время в окрестностях Эвереста на 12-местных, компании (не смейтесь) «Будда Эйр». И на вертолёте летала, где тоже всё в руках Всевышнего. Но вертолёт вёл себя, помнится, прилично и не пытался показывать фигуры высшего пилотажа. В отличие от здешних самолётов, пытающихся дать пассажирам максимальный обзор и поэтому выписывающих мёртвые петли. Хорошо, что завтрак был неплотный...

Линии Наска — это ещё одно национальное достояние Перу. На протяжении четырёхсот пятидесяти километров пустыня исчерчена рисунками и диаграммами. Уникальный сухой воздух в сочетании со своеобразной розой ветров позволил этим рисункам сохраниться с 500 года до н.э. Сначала одна цивилизация чертила, потом другая переняла эстафету. Наверно, именно потому, что всё это видно только с воздуха, возникла теория об инопланетном присутствии и руководстве. Действительно, похоже на чертёж, разве что некоторые фигуры уж слишком забавны для серьёзной конструкторской разработки. Кто их знает, этих наска. Линии не были проглочены Панамериканским шоссе благодаря усилиям Марии Райхе, немки по происхождению, которая приехала в Перу в 1934 году и была напрямую связана с изучением геоглифов Наски, начатым в 1940 году археологом из Бруклина. Это благодаря её усилиям, за четыре года до её смерти в 1994-м, геоглифы Наски были признаны объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО. Говорят, что, потеряв палец в результате гангрены, в одном из рисунков, изображающем четырёхпалого человека, она узнала собственную ладонь.

Странные ребята были эти наска, предшественники великой цивилизации инков. Трепанацию черепа практиковали. Мёртвых своих хоронили пышно (за что и поплатились — почти все могилы были разграблены в начале XX века), и не только со всей утварью, но также с детьми и обслугой. Маленькие детские мумии особенно поразили. Дети были убиты хирургически точным ударом по голове, чтобы умершая собственной смертью мама не тосковала без них в загробном мире. Бр-р-р.

В открытых могилах на слабо охраняемом кладбище, скучно завалившись на бок, сидят мумии. Их длинные косы витками уложены вокруг закутанных в красное и грязно-жёлтое тел. У некоторых вместо голов расписные горшки — не позориться же безголовым в небесном царстве. Жалко их почему-то. Под испепеляющим солнцем тянутся обозначенные камешками дорожки, по вязкости и тоскливости напоминающие обычное кладбище, вот только в песке между ними валяются крупные и мелкие человеческие кости. Из сотен разграбленных охотниками за золотом инков могил осталось только двенадцать. Это всё мы увидели уже во второй половине дня, на кладбище Чаучийя.

Устав от древностей, отправляемся прогуляться по Наске, а заодно купить билеты на вечерний автобус в Арекипу. Похоже, что здешние достопримечательности исчерпаны. Но Наска — совсем неплохой городишко, с обязательной Плаза де Армас и подсвеченным претенциозным фонтаном в центре. Над ним нависает видная отовсюду Серро Бланко, гигантская дюна высотой в 2078 м,двигающаяся на город малюсенькими шажочками. Самая большая в мире куча песка. Одно из самых странных мест в мире. Существует наскская легенда о том, как бог создал этот уголок из всего, что осталось неиспользованным после сотворения мира. Приходится согласиться.

Зато в таинственном отеле «Сан-Рафаэль» услужливый менеджер в форме авиакомпании *Nasca Lines* пытается компенсировать вчерашние накладки особым гостеприимством. Он, в отличие от всех встреченных нами сегодня людей, владеет общим с нами языком.

А также японским, горделиво добавляет он в ответ на похвалу его жуткому английскому. Он работал раньше в Токио, а теперь вот перевёлся домой, в Наску, и совмещает утреннюю работу (авиадиспетчера) с послеобеденной (в отеле). А ещё он выращивает лошадей и морских свинок, хотите взглянуть? Ну да, я же обещала морских свинок...

Свинки (их здесь штук пятьдесят в нескольких загонах) радостно визжат при виде каких-то длинных зелёных прутьев с крохотными листиками, напоминающими орегано. Маленькая дочка менеджера гладит их нежно и задумчиво. Они не знают о том, что надвигается большой праздник, Корпус Кристи, Праздник Тела и Крови Христовых, в который поедаются тонны свинок. Именно их ест Христос во время Тайной Вечери, судя по картинам художников школы кускуэньо.

Возвращаясь в комнату за вещами, находим там полотенце и большущий кусок мыла, похоже, из личных запасов менеджера... Да, забыла сказать: тот, ночной салат «Уолдорф», приготовленный незнамо кем, содержал все элементы знаменитого лондонского, вот разве что соус не удался совсем.

Воспитание детей по-перуански

Дети здесь везде: они растут одновременно с управлением семейным бизнесом. В каждом ресторанчике, магазинчике, офисе они сидят на прилавках, столах, кассах. Милая девочка-подросток в гончарной мастерской, демонстрирующая искусство пре-инкского обжига рядом с отцом, пока мать выздоравливает после операции, между делом воспитывает малыша. Трёхлеточка следует за ней по всей мастерской и повторяет каждое её движение, в том числе лезет в открытую раскалённую печь. Мы замираем в ужасе, но девочка спокойно задвигает поглубже глиняное чудо непонятого предназначения — его ещё рано доставать, малыш ошибся. Братишка? Нет, отрицательно трясёт она головой. Кажется, племянник. Похоже, что дети растут общиной, группой. Мы увидим ещё одно подтверждение этому в Арекипе.

Снова суперблагоустроенный Cruz del Sur. На этот раз мы едем всю ночь, а потому будем спать на первом этаже, в люксе. Сидение разложилось в этакую кожаную раскладушку. В рекламном ролике, начинающем наш (чуть не обмолвилась «полёт») рейс, проводница заботливо укрывает спящих пассажиров. Проводница реальная действительно делает обход после ужина, проверяя, все ли довольны, что снится. Увидев, что у меня не загружается интернет (!), спешит на помощь (!!). Так живо вспоминаются советские проводницы в поездах... да уж, не совместились картинка, и найти десять отличий совсем не сложно. В любом случае, радостно забираемся под знакомые фирменные одеяла и просыпаемся уже в предместьях Арекипы, «Белого Города», где нас должна встретить сестра моего знакомого тангеро. Хосе уговаривал, просто-таки настаивал, что мы должны остановиться у неё. Она живёт в его доме и будет просто счастлива принять нас.

— А сестра говорит по-английски?

— В совершенстве, — гордо чеканит Хосе, и мне становится стыдно за дурацкий вопрос.

Простояв минут тридцать с бумажкой «Синьора Сандра» в поднятых вверх руках, понимаем, что никакая сестра приезжать за нами не собирается, и надо искать отель. Я заранее представляю себе этот отель, найденный через крохотный туристский офис автобусной станции... грустно ночевать в подобных местах, когда тебе за сорок и ты можешь позволить себе и воду погорячее, и простыни почище, и соседей потише. Мой муж, правда, справедливо отмечает, что ночевать у знакомых и малознакомых, когда ты можешь позволить себе отель, тоже грустно. Но для приглашающего это было делом чести, а честь дороже комфорта. Решили дожидаться до последнего.

Уже комкая наш плакатик, видим энергичную девицу, раздвигающую грудью шляпы крестьянок и туристские рюкзаки. Сомнений нет, это за нами. Мы целуемся (целоваться в качестве приветствия в этом полушарии надо со всеми), девица говорит: «Вамос!» («пошли») — и мчится к машине, мы мчимся за ней.

Я (вслед):

— Приятно познакомиться, Сандра! Мучо густо!

Девица (заталкивая в багажник самый большой чемодан):

— ... (тирада на испанском, из которой я понимаю лишь, что а) она не говорит по-английски и б) она не Сандра).

— Она — не Сандра, — перевожу для мужа, который понимает происходящее ещё хуже, чем я.

В сильном недоумении мы всё же садимся в машину — не разлучаться же с чемоданами. По дороге в город разбираемся. То ли уши открываются навстречу её напору, то ли она ловит английский прямо на лету, но становится яснее: она — подруга Сандры, то есть встречает всё-таки нас, а не кого другого. Её зовут Эрика, она временно живёт с Сандрой, и её дико забавляет сегодняшняя ситуация. Чувство юмора и оказывается тем единственным общим языком, с помощью которого мы объясняемся с девочками в течение следующих трёх дней.

Надо сказать, что мужчины родом из центральной части Перу невероятно хороши собой. Мой знакомец Хосе красив, как конкистадор из Европы, и элегантен, как пресловутый *Latino lover*. А вот сестрёнка его оказалась широкоплечей, как он, и широкоскулой, как он же, но женщину сии черты ничуть не красят. К счастью, лёгкий и жизнерадостный характер подсвечивает её лицо и превращает её в чуть не красотку, а наше пребывание в её доме — в весёлый обмен жестами и репликами, лакомствами и курьёзными предметами. Она с любопытством разглядывает мою косметику, я — содержимое её холодильника.

Дом прозрачный: кто придумал сделать внутренние стены стеклянными?! Они не оставляют секретов, и из отведённой нам комнаты мы видим всё, что происходит на общей с соседями лестнице и в хозяйской кухне. По вечерам Сандра и Эрика готовят уроки со своими детьми, и мы предпочитаем не высовываться: звуки рёва, затрепачивания и смеха не прекращаются до той блаженной минуты, когда детей ведут мыться. Я тихо радуюсь, что понимаю так мало...

Они всё время что-то празднуют?

Возвращаясь к утру приезда в Арекипу: после завтрака (о, этот свежий сок папайи! о, эти треугольные тёплые булочки! о, это варенье из таинственного плода под названием «мораль» — к вечеру

разбираюсь, что «мораль» — это шелковица, но всё равно пытаюсь съесть как можно больше, а вдруг и вправду — мораль? — тогда мне полезно!) едем в центр города. Ценная информация для путешественника: любой город в Южной Америке начинается с Плазы де Армас, кроме тех, в которых никогда никто в руки оружия не брал, и тогда это — Плаза Майор, так что смело называйте адрес, садясь в такси, не ошибётесь.

Все подъезды к площади, как и ранее в Лиме, перекрыты — какое-то празднество, можно сказать, демонстрация трудящихся. В Лиме-то был праздник на государственном уровне: конники с длинными чёрными косами на шлемах; красно-белые цветы, цвета государственного флага, вплетены в конские гривы; духовой оркестр. Здесь тоже присутствуют военные, но идут колонны каких-то учреждений, какие-то крестьянские объединения и даже колонна «Синдиката клоунов Арекипы»... Последний в колонне клоун — на ходулях; он берёт на руки ребёнка из толпы и несёт его через всю площадь. Несут транспаранты, плывут хоругви на колёсах. Хочется воскликнуть: «Когда же они работают?!» — но сегодня воскресенье. Пусть веселятся, жизнь в Арекипе непростая.

Арекипа выстроена в ложбине между тремя вулканами. Дома построены из белого вулканического камня, напомнившего нам ракушняк Одессы. Арекипа разрушалась неоднократно, то землетрясениями, то извержениями вулканов. Здесь всё время что-то либо строится, либо восстанавливается. Нагулявшись по улочкам с благородными зданиями XVI века, сохранившимися в центре, идём в монастырь Св. Каталины, XVI же века постройки. Он был построен всего лишь через сорок лет после прибытия конкистадоров, но с самого начала не пустовал: знатные семьи охотно отдавали девочек в монастырь, кого в обучение, кого в монашки. Христианство пришло и захватило умы, тела, души, дало новую форму выражения местным талантам, новую живопись и архитектуру, новые навыки в керамике, новые темы. Хотя... сюжеты местной жизни спокойно соседствуют с новыми, библейскими: во время Тайной Вечери Иисус ест морскую свинку; беременная, треугольная в своей беременности Мария в точности повторяет форму священной горы Пачамама (Мать-Земля у инков). Бог-Отец,

Бог-Сын и Бог-Дух Святой — три человека, похожие на музыкантов традиционного оркестрика, — взирают на вознесение длинно-косой (признак знатного рода у инков) Марии... Так формируется синкретизм.

Хотя монастырь не раз страдал при землетрясениях, ощущение такое, что монахини, святые эти женщины (одна их них, Сестра Ана, жившая в XVI веке, действительно причислена к лику святых, и её мощи продолжают творить чудеса) только на днях покинули его. Точнее, покинули часть, открытую для посетителей: монастырь — действующий, и жизнь реальных монашек выплёскивается в «музейную» часть. Открыты для посетителей помещения исторические, необитаемые, но и там есть ощущение, что зола в очагах ещё тёплая. В бывшей пекарне поражают гигантские формы для выпекавшихся там лет сто пятьдесят назад тортов: вот форм-пингвин, вот петух. Сладости, кстати, в Перу просто потрясающие, рай для сладкоежек вроде меня.

Мы обедаем в монастырском ресторане-дворике. Ресторанчик — это приработок монахинь. Готовят они довольно неплохо. Дворик же прелестен: колибри хлопчут над красными колокольчиками кантуты, национального цветка Перу, отгалкивая наглых толстых шмелей. Блаженство летнего дня, он же — зима по-перуански.

Из монастыря выходим, когда праздник уже завял и свернулся, как остывшая молочная пенка. Отголоски его ещё не умолкли на Плазе, но прилегающие улицы больше не запружены народом в национальных костюмах, и можно просто брести, задрвав голову, раскрыв рот, от одного фронтона к другому, от одного деревянного балкона к следующему, от резных ворот к резным воротам, и наслаждаться колониальным очарованием той части города, которую пощадили землетрясения. А три вулкана в белых шапках набе-крень, видные отовсюду, продолжают глядеть сверху вниз, обещая новые разрушения и смерти. Одно из извержений Пикчу-Пикчу (так называемое пассивное, без выплеска лавы) длилось четыре года. Город привык. Латают дыры в крышах, стенах и тротуарах, переезжают. Все куда-то едут. «Колективос» переполнены, и кондукторши зазывают прохожих, идущих мимо: садитесь, тут ещё найдётся местечко, это ведь так дешёво, зачем же идти пешком.

А вообще-то Арекипа славится обилием такси. Их в городе с миллионным населением ни много ни мало тридцать тысяч! Больше, чем в Нью-Йорке. Такси дешёвы необычайно даже по перуанским масштабам: лучше заработать на маленькую эмпанату к ужину, чем на никакую.

Чёртовы мужаья моих тёзок!

Я так предвкушала, так готовилась к поездке в Каньон Колка (испанское мягкое «л» превращает его в простого русского Кольку; сразу вспоминаем пляж в Акапулько и смешные выкрики продавцов напитков: «Кока Коля!.. Пиня Коляда!..»)! Просто мечтала на кондоров поглядеть и себя кондорам показать. Вот только выпустила из виду, что второй в мире по глубине каньон находится на большом возвышении над уровнем моря. С горной болезнью я знакома по Кашмиру. Совсем не улыбалось мне задыхаться при ходьбе, просыпаться от раскалённого шипа за грудиной или от ударов дубинки головной боли. Тем не менее, собираясь переночевать сегодня на высоте 3600 м над уровнем моря, я оставила в Арекипе, в «главном» чемодане, таблетки. Пришлось срочно начать жевать листья коки и просто без перерыва пить матэ де кока (те же листья, но заваренные).

Вот так, со слегка изменённым сознанием, я вступила на землю, где по-испански ещё не говорят. Да-да. До сих пор в этой местности живут потомки пре-инкских цивилизаций и говорят на пре-инкских языках кечуа и аймара. В те времена принадлежность к той или другой группе была видна издали. И те, и другие практиковали изменение формы черепов у младенцев, привязывая доски к определённым частям головы во время сна. Сейчас их различить не столь легко, разве что шляпы они носят разные: кечуа — с вышивкой, аймара — с пришитыми по бокам цветками.

Пока же мы остановились в национальном парке Агуада Бланка, чтобы познакомиться с дикими родственниками альпак и верблюдов с нежным названием викуньи. Это хорошенькие такие, я б сказала, козочки с детскими личиками. Проехав чуть дальше, ближе к перевалу, мы видим и альпак, и лам. Женщины и дети

с ламами на верёвках выходят к дороге в надежде сфотографироваться с туристами и получить от них в награду мелочь. Туризм, конечно, важен, но главный источник дохода, кажется, всё-таки земледелие: кинва, знаменитая крупа инков, прочие зерновые и, конечно, картофель, сотни видов картофеля, от крохотных, напоминающих младенческие пальчики в перевязочках, до гигантских; от ярко-жёлтого до тёмно-фиолетового, от волокнисто-пресного до приторно-сладкого.

Форель, куры, рисовый пудинг и тёмно-фиолетовое, тоже, кажется, из картошки, желе на десерт — это популярная кухня Чивая, пуэблито на полдороге к каньону. Чивайские собаки живут на крышах и, кажется, вполне этим довольны. Рельеф деревни позволяет наблюдать за собаками из окон нашего сегодняшнего отельчика. Жители привыкли карабкаться вверх, а потому крыши населены гуще, чем улицы: там стирают и сушат бельё, там гуляют не только собаки, но и множественные петухи с курами; даже люльки с младенцами стоят на крышах.

В Чивае же мы впервые видим фольклорное шоу, всё ещё думая, что это просто туристская завлекалочка. Танцоры в масках достаточно агрессивны: кажется, что цель каждого танца — как можно обиднее высмеять или унижить своего партнёра-соперника. Возможно, даже помочиться на него. Именно это действие имитирует центральная пара солистов. Местные хлопают и смеются. Напротив сидит пара перуанцев из столицы. На их лицах — такой же шок, как и на наших. Девушка работает в банке, никогда в этом регионе не была. Её друг тоже удивлён танцем, но он не очень разбирается в фольклоре. Может, так и надо. Впервые видим зловещую белую маску, олицетворяющую, как нам объясняют позже, «злого испанца».

В Чивае бьют горячие источники, результат соседства с вулканом. Наслаждение — окунуться в горячую воду на холоде. Как только заходит солнце, воздух становится просто ледяным, и мы убираемся поскорее в надежде поспать, поскольку подниматься нам до рассвета, около четырёх утра... не тут-то было. Жестокие чивайские петухи включаются уже в час ночи и потом уже перекликаются каждый час.

Честно говоря, если бы не петухи, не видать бы нам каньона: нас забыли разбудить. Пытаясь объяснить, как нам всё же удалось проснуться так рано без будильника, я слепила кое-как фразу о том, что супруги куриц («*esposo de gallina*») говорили всю ночь... Главное, что меня каким-то чудом понимают!

Рассвет встречаем на подъезде к другой деревне, Пинчойо, с красивой колониальной церковью на фоне заснеженных гор, с обязательным базаром, где для разнообразия туристы вместо лам фотографируются с горными орлами, приручёнными для этой цели местными жителями, и с пре-инкскими захоронениями в ближайших скалах. На заборах тут растут кактусы. Если это от воров, то работает, наверно, не хуже чугунных шипов на заборах Лимы. А церковь, опять-таки, украшена еретическими фресками-*sincretismo*.

Едем дальше по краю обрыва, вдоль каньона, вдоль тысяч террас, разбитых тут гениальными инкскими инженерами. Террасы сдаются в частное пользование за достаточно высокую плату, но, учитывая урожайность орошённой земли, рачительные хозяева быстро начинают получать прибыль. Замечательная, простая и экологически чистая система ирригации приносит плоды все 600–700 лет своего существования.

Так вот, кондоры: андские кондоры вылетают в каньон ровно в восемь тридцать утра. Их тут около семидесяти.

— Хотите по скалам карабкаться или поедем поскорее?

— Если кондоры гарантированы, то едем скорее!

Мы всё ещё не верим в пунктуальность птиц, но ровно в восемь тридцать в небе появляются точки. Они стремительно растут, приближаясь. Очень скоро воздушное пространство над головой и под ногами заполняется мощными крыльями, мифической какой-то силы телами, чёрными, коричневыми и чёрно-белыми. По цветовой гамме и скученности всё это очень напоминает утро в токийском метро. Кондоры везде: окружают, почти сбивают с ног, стелкаясь в воздухе, паря, зависая над подходящими для посадки уступами. От этого зрелища трудно оторваться. В течение того часа, что мы, поражённые, стояли у края, мы насчитывали до шестидцати птиц в воздухе одновременно!

Острова Баестас

Лама на Альтиплано, Перу

На пути к Каньону Колка

Деревня Пинчойо с красивой колониальной церковью
на фоне гор

Ворота каждого дома в Лиме уникальны. Они сообщают прохожему важную информацию о владельце, от места на социальной лестнице до рода занятий

Мачу Пикчу. Вид с Королевской тропы

Ламы давно обжили террасы Мачу-Пикчу

Возвращаемся в Чивай полюбоваться на разгоревшийся базар, на променады с деревянными фигурами в полтора человеческих роста и главную площадь, где крестьянки, поджидающие туристов, поят альпак из псевдобароккального фонтана. Потом — назад в Арекипу, опять через величие горного перевала и инкские террасы. Успеваем ещё посмотреть великолепный главный собор Арекипы, поесть перуанских сладостей в кафе с итальянским названием «Lussiano», и — прощай, Арекипа! Впереди — Куско, древняя столица инков. Оттуда нас ждёт переход на Мачу-Пикчу.

За два часа до рассвета приезжаем в аэропорт, так как улетаем первым рейсом. Все ещё спят в провинциальном аэропорту с ограниченными часами работы (но эту хохмочку я уже знаю, поэтому не удивляюсь и к любым проблемам готова). Всё-таки нас пропускают, нехотя, с ленцой досматривают и вручают посадочные талоны. Взлетаем над снежным великолепием вулканов и летим на юг.

ПРИЛОЖЕНИЕ
СТИХИ, НАПИСАННЫЕ НА КОНТИНЕНТЕ

Автобусные поездки в странах третьего мира

Что я успела узнать об этом автобусе,
мчащемся мимо
цветов на обочине,
мимо маленьких злых штопоров пыли,
мимо, мимо,
пока я думала о колонии микробов,
греющихся и растущих на горячем металле поручня?

Зачем, впрочем, задаваться вопросами
о придорожном цветке,
если тут, в автобусе,
старуха везла оранжевые лохматые комки,
оторванные от ножек, обесточенные,
нанизанные на нитку,
говорящие «namaste»,
чмокающие мой локоть разбухшими,
влажными то ли от росы,
то ли от старухино пота, губами.
Их название, знакомое с детства, затерялось тоже.

Я даже не выяснила толком маршрута.
Среди непроговариваемых названий
не видно было моей остановки,
но, очевидно, автобус всё-таки
позаботился обо мне,
поскольку пишу эти строки из места, которое я зову
домом.

Бабушки на площади²⁸

Воскресеньями перед старой мэрией у фонтана,
где девчонки в ярких, по моде, платьях
назначают свиданья, пыль отряхивая неустанно
водяную, где парочки длят объятья,
где жуют, смеются, снимают фильмы,
где детей окликают: «Mira, mira²⁹!» —
путеводитель туристы пасьянсом раскладывают,
а рядом — бабушки внуков ненайденных,
детей родителей, убитых в «грязной»
войне — как интересно названа:
да разве бывают чистые войны?
Как будто детей схоронить не довольно,
они потеряли ещё и внуков,
закалённые бабушки, в первых морщинках руки.
На что надеются, о чём спрашивают у южного ветра
женщины, проклятые за нарушение архи-завета:
не пускать сыновей на войну, не выпускать из дома
выросших дочерей, не говорить с незнакомыми,
пеленать потуже — собственноручно! — внуков,
передавать свой страх детям, как высшую науку,
как прививку против чёрного тумана.
...Вся страна их знает как «бабушек у фонтана».
Неслыханно, нелепо — бабушек движенье.

---

²⁸ Группа аргентинских женщин, «Abuelas de Plaza de Mayo», чьи дети исчезли в ходе т.н. «грязной войны» (с 1976 по 1983 г.), до сих пор разыскивает внуков — детей, похищенных или арестованных вместе со своими родителями, или родившихся у беременных заключённых. К 2011 году благодаря их усилиям 101 человек нашли свою семью.

²⁹ Mira — смотри (*исп.*).

Кем-то ненавидимы, кому-то неудобны,
бабушки — как движущиеся мишени,
Одновременно соринки и брёвна,
pendejas,³⁰ позорные дочери Пандоры.
Если подписывал кто-то молчанья контракт,
он давно должен быть расторгнут.
Негативы, лица где-то выросших ребят
проступают в их любви растворе.

Бабушки детей, убиенных в чреве,
розданных, как призы за отличное поведение,
проданных, как помёт полукровок-псов,
детей, от которых — ни голосов,
ни локонов, выросших на чужбине...
Детей, сотканных из тишины, зародышей,
не распрямивших спины,
детей, сплетённых из двойной спирали.
Фонтан одевает их в траурные вуали,
серебрит волосы накидками водяными.
Абуелиты,³¹ бабулечки, ещё молодые,
сражаются с забвением, руками раскапывают могилы.
...перед мэрией неутомимо,
нитевидным пульсом, фонтан старинный.

---

³⁰ Pendejas — сучки (*исп.*).

³¹ Abuelas — бабушки (*исп.*).

Золушка из Сан-Хуана

Правдивая история

Дорога в школу всегда одна:
В гору, под гору, потом по прямой.
Если долго пылить по горячим буграм,
А потом по обочине, тёплой травой,
Можно к восьми оказаться там.

Люди в школе внимательны и добры,
Есть настоящий, с бачком, унитаз.
Успевает прийти до жары как раз.
Это путь обратно встаёт на дыбы
И красным доплёскивается до глаз.

В школе дают иногда молоко,
Чаще Кул-Эйд, дар материка,
Но стоит до обеда шершавый ком
Из пыли и рвоты чуть выше пупка.
...Это мелочь, она ведь уже в выпускном.

Не подумайте, школьные дни нележки.
В школе так скучно, что серый паук
Над входом повесился от тоски,
Но она не ропщет: читает вслух,
Отвечает с места и у доски.

Пуэрторикеня, лохматый взрыв,
Из далёкой деревни ничьё дитя,
Под столом ступни, все в мозолях, скрыв,
Восьмилетку заканчивает шутя —
Образованней всех родных!

Но когда объявлен бал выпускной,
То зачем ей в путь — чтобы вызвать смех?
Босоножкой в зал? Говорит с сестрой
(Там в семье ботинки — одни на всех),
Но сестре ботинки нужны самой.

«Просто вымой волосы прямо там.
Что угодно дала бы за туфли, но
Туфель нет, а вот платье своё отдам.
Всех нарядней, рекуена,³²
ты всё равно», —
И помадой притрагивается к губам.

Ей учитель-гринго в конце концов
В газете ботинки тайком принесёт.
Вон как жарко пляшет — горит лицо.
Эта сальса многих ещё спасёт
На прогресс надеющихся птенцов.

Пятидесятые. Сан-Хуан.
Пина колады хмельные шаги.
Страна претворяет с усердием план,
Обещающий Золушкам башмаки...
Жаль, что не вернулась туда никогда.
«Мисс Cenicienta³³! Довольно, домой пора», —
Старуху зовёт сестра.

---

³² Рекуена — маленькая (*исп.*).

³³ Cenicienta — Золушка (*исп.*).

Дорожное

Путешествую даже в дни неподвижности,
Из больничной повинности,
Из любовной подвешенности,
Даже если глажена против шерсти я,
Даже если не двигаюсь — путешествую.
Пусть весь год состоял из зимы и осени,
Пусть невесел дом, и счета неплачены —
Путешествую! — в ожиданье просини,
В отрицанье проседи, не иначе.

Даже будет карета давно заложена —
В смысле за долги, всё равно что продана —
Я найду рыдван, что-нибудь поплоче,
И на заднем сидении, в бездорожье —
Спутешествую в глушь — за бугор — на родину
Мимо злобствующих таможенников,
Никуда не едущих бюрократов.
Спутешествую. Мне положено
Путешествовать, чтоб потом обратно

Пробираться надмирными коридорами
И тарашиться в навигатор,
Спорить с болью, считать снотворное...
Это кажется сумасшествием?
Я живу, пока путешествую.
Я живу пока, путешествую — непонятно?

Галина Ицкович, практикующий психотерапевт и лектор, автор многочисленных журнальных публикаций на русском и английском языках, книги стихов «Примерка счастья» и книги документальной прозы «Военный дневник отчаявшегося психотерапевта» (опубликована в журнальном варианте).

До 2022 года вела авторскую колонку «Путешествия» в журнале «Формаслов». Родом из Украины, она более тридцати лет живёт в Нью-Йорке.

Эта книга возникла на основе путевых заметок по следам путешествий по Южной Америке, которые публиковались в разное время в различных журналах и давно уже живут собственной жизнью. Каждый читатель найдет в ней что-нибудь, отвечающее его или ее запросам: у автора, заядлой путешественницы, накопилось немало дорожных приключений, исторических справок, практических советов, но самое главное, рефлексии.

Профессия психотерапевта позволяет взглянуть по-иному на красоты и «прочертить новые соединительные линии» между явлениями истории, политики и культуры, «распознавая приметы общности, радуясь непохожести» новых знакомцев и новых маршрутов. Избегая культурных клише и стереотипов гипертуризма, автор размышляет об общечеловеческом, о психологии места и его обитателей, и примеряет увиденное на себя и на собственное прошлое: «...детство, родина, родство с прежним как повторяющийся узор в новом» то и дело вплетается в ткань дороги и в ткань повествования, превращая каждую отдельную поездку в часть общего полотна человеческой жизни, придавая новый смысл самой концепции путешествия и питая творчество.

ISBN 978-1-960533-86-9

M-GRAPHICS **PUBLISHING**
www.mgraphics-books.com
mgraphics.books@gmail.com